

ИЗ БАЛТО-СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ. II

ВЛАДИМИР ТОПОРОВ

Москва

Продолжая публикацию фрагментов балто-славянского словаря (см. статью автора этих строк в *Festschrift R. Eckert*), целесообразно напомнить о достаточно широком понимании определения "балто-славянский", включающем и эксклюзивные соответствия между балтийскими и славянскими лексемами, и те общие элементы, которые не исключают совпадений и за пределами этих двух групп, и заимствования как из балтийских языков в славянские, так и наоборот, из славянских в балтийские, и заимствования в языках этих двух групп из "третьих" языков, и тот общий круг слов, относительно которых любая классификация их с точки зрения их происхождения, соответственно — истолкования, затруднительна и которым не всегда уделяют должное внимание, ссылаясь на их "ненормативность" (звукоподражательные, экспрессивные и т. п. элементы лексики).

Разумеется, такое широкое понимание термина "балто-славянский" не освобождает исследователя от необходимости более конкретного уточнения причин идентичности или хотя бы относительной общности тех или иных соотносимых друг с другом элементов. Но, во-первых, нужно считаться с тем, что во многих случаях невозможно, по крайней мере в настоящее время, точное определение причин формальной (звуковой) и семантической близости двух сопоставляемых элементов — балтийского и славянского. Во-вторых, если говорить о подлинной реальности общего источника балтийских и славянских языков, то нужно считаться с тем, что языковое единство и его осознание носителями его не может быть ограничено только генетически едиными элементами, отвечающими с точностью правилам сравнительно исторического преобразования общего элемента в языке-источнике в каждой из этих двух языковых ветвей, но предполагает и другие, не всегда "нормативно" объяснимые виды общности-един-

ства. С точки зрения языкового сознания генетическая общность сопоставляемых элементов — балтийского и славянского, — заверяемая авторитетом исследователя, реконструирующего общий источник их, далеко не всегда "работает" на идею единства. Более того, нередко именно вторичная, "ненормативная" общность в большей степени способствует осознанию языкового единства. Не хотелось бы, чтобы сказанное понималось как перенос акцента на роль конвергенции в создании общности — вплоть до единства и как отказ от ранее излагавшихся взглядов на соотношение во времени и пространстве балтийского и славянского языковых элементов. Чем больше ("толще") этот слой, тем больше поводов для конвергентных процессов, и само различие "генетического" и вторичного "конвергентного" общего предполагает учет достаточно тонких пространственно-временных градаций, что далеко не всегда возможно сделать. Если же говорить о конкретных ситуациях, возникающих в исследовательской практике, то чаще всего исследователь может судить именно о конвергентах (как и именно о заимствованиях) только при наличии реальных языковых следов того и другого. Чаще же всего — при обращении к наиболее удаленным эпохам, к которым относят генетическое единство двух или более языков, реализующееся в виде единого языка ("праязыка"), — исследователь оказывается беспомощен в своих суждениях о природе общности сопоставляемых элементов. В ходе исторической эволюции языка в определенном пространстве следы конвергенции и заимствований "перемалываются", как зерно в жернове, и все становится однородно единым, как мука по выходе из жернова. Совершенно очевидно, что и само понятие генетического языкового единства включает в себя и переработанную массу неоднородного и "негенетического", бесследно растворившуюся в процессе эволюции. В этом контексте очевидно, что генетическое языковое единство, генетическое родство должны пониматься в динамической перспективе, и этот динамизм обнаруживает себя и во времени, в диахронии, и в статике, в синхронии, в соотношении масштабов генетически унаследованной языковой информации и факторов, работающих как на своего рода подкрепление гене-

тического наследия (конвергенция), так и на ослабление, размывание его (дивергенция). Во всяком случае исследователь должен отдавать себе отчет в том, что "генетическое", т. е. в процессе генезиса возникающее, есть подвижная структура, всегда предполагающая соединение и разъединение, вхождение в некую языковую общность и растворение в ней и выход из нее и кристаллизацию отдельных ее элементов как нового состояния.

Из этого понимания вопроса следует, что сама ситуация балто-славянского языкового единства несравненно богаче по своему содержанию, чем обычно полагают; — что идея нового балто-славянского словаря возрастает в своей актуальности; — что, наконец, работы в этой области непочатый край, а до сих пор сделанным можно удовлетворяться лишь весьма условно.

Ниже — ряд разнородных по своему характеру сопоставлений балтийских и славянских лексем, относящихся по преимуществу к числу ономастических и/или экспрессивных — по происхождению и/или по их восприятию актуальным языковым сознанием.

1. Балто-слав. **bald-*.

Русск. *балда́* 'большой тяжелый набалдашник', 'толстый конец палки, дубины', 'палка с набалдашником'; 'толстое корневище'; 'палица', 'тяжелая деревянная колотушка', 'деревянная кувалда'; 'большой топор с обухом'; 'шишка', 'нарост на дереве'; *ба́лда* 'болтливая женщина', 'высокая нескладная женщина' (ср. *ба́лды* *бить* 'пустословить', 'бездельничать', 'зря тратить время'); *балдава́* 'палица', 'булава', 'дубина'; *балдава́шка*; *балдава́шка* 'болтун', 'болтушка'; *балдавня́* 'деревянный молот'; *балдо́вина* 'палица', 'дубина'; 'кривое толстое корневище'; 'долговязый и неуклюжий человек', 'дылда', 'болван', 'балбес'; 'дурак', 'тупица', 'малоумный человек'; 'бестолковый человек'; 'сплетник', 'баламут'; *балдовня́* 'трость с большим набалдашником', 'большая деревянная колотушка'; *балду́шка* 'большая ложка', 'увесистая деревянная колотушка'; *балды́га* 'спи-

вшийся человек', 'забулдыга'; балдыжник 'бездельник', 'праздношатающийся', балдыжница; ср. также балдыть 'бездельничать', 'праздно проводить время'; 'пьянствовать'; 'часто повторять одно и то же'; балдѣть, обалдевать, балдыжничать 'бездельничать', 'слоняться без дела', балдыкать 'болтать', 'разговаривать о чем-либо несерьезном' и т. п. (СРНГ 2, 1966, 79-81; Даль 1, 108); — блр. балда́ 'дубина', 'палка'; 'топор'; 'глупый, бестолковый человек', 'дурак'; 'нижняя ручка продольной пилки (Этым. блр. 1, 1978, 292); — укр. балда́ 'телепень', 'неуклюжая женщина', 'свинья' (в загадке далда-балда); ба́лда 'большой молот', 'топор' (ср. ба́лта); [ба́лди] 'тряпье', балдыкати 'болтать' (Гринченко 1, 1907, 24; Етим. укр. 1, 1982, 126); — польск. bałda 'затычка от дымохода', 'баба' (ср. Bałdy, Bołdy, название голых скал в Чорштынском); bałdyga 'толстая большая палка'; 'увалень', 'неуклюжий человек', 'дылда', 'верзила' (Sł. jez. р. 1, 1952, 90); — чешск. balda 'толстая палка', baldovica 'то же' (ср. balta и balda на Подлужье), ляшк. диал. bolda 'шишка', 'желвак на лице'; baldovati 'бить', 'колотить' (Machek 1971, 43); — словен. bálda 'булава', 'колотушка', 'палка', 'дубина', 'топор' (Bezljaj 1 knj., 1976, 10).

Этот славянский материал, остававшийся до сих пор воедино не собранным и не привлекавший пока к себе сколько-нибудь серьезного внимания исследователей, интересен по крайней мере в двух отношениях. Во-первых, он очевидно разнороден, во всяком случае в своих периферийных частях. История этой группы слов богата разного рода приращениями, контаминациями, перераспределениями и отталкиваниями. Несомненно, что в известной части примеров нужно видеть тюркское влияние, прежде всего со стороны двух слов — турецк. baldak 'гладкое кольцо без камня', 'эфес сабли', 'шар', 'набалдашник' (ср. русск. балдак : *на-балдачьник > набалдашник и т. п.), чагат. baldak и т. п. и турецк. balta 'топор', уйгур baltu (ср. русск. балта́ 'топор с узким лезвием, укр. ба́лта, ба́лда; блр. ба́лта; польск. bałta, bełta, слвц. balta, чеш. диал. balta, balda, болг. балтия́, макед. балта, балтија, с.-хорв. ба́лта, ба́лта; словен. bálta, bávta; когда слово балда / balda и под. в отдельных славянских языках актуализирует значение 'топор', то в этих случаях вполне оправданно думать о тюркском влия-

нии, поскольку в тюркском balta обычно обозначает специфическую реалию быта — топор с узким лезвием). В ряде примеров можно предполагать отражение совместного влияния этих двух тюркских слов. Однако ядро примеров с корнем балд- / bald- в славянских языках никак не может быть выведено из тюркских источников, хотя в отдельных случаях они могли играть некоторую вторичную роль в семантических сдвигах и фонетических особенностях облика славянских слов с указанным корнем. Поэтому "внешнее" (заимствования) объяснение этих слов (см. Фасмер I, 114; Черных I, 68; Етим. укр. I, 126, Machek 1971, 43; Bezljaj 1, 10 и др.) представляется ошибочным, и поиск иного решения должен быть направлен в другую сторону.

Во-вторых, приведенный славянский материал не только разнороден, но и — даже в его наиболее бесспорной части — "нестандартен" в том смысле, что, несмотря на наличие слов с корнем bald- во всех трех группах славянских языков (всего в шести языках), пока нет надежных оснований для реконструкции праслав. *balda, в точности отраженного в конкретных славянских языках именно в этой форме; ни Этимологический словарь славянских языков, ни Słownik prastowiański не фиксируют лексемы *balda или *bolda. И причина этого кроется именно в "нестандартности" этой формы с праславянской точки зрения. "Нестандартность" усматривается в сохранении структуры типа *tołt*, не подвергшейся изменениям — разным в разных группах славянских языков, — которые должны были неизбежно привести к открытию старого закрытого слога; в вокализме корня *a*; наконец, в изолированности слова (применительно к праславянскому горизонту) от других членов той же "этимологически-морфонологической" семьи, точнее, в отсутствии у этого слова его морфонологического контекста и прежде всего первообразного глагола, по отношению к которому это существительное было бы производным.

В этой ситуации самым естественным кажется предположение альтернативного характера — или перед нами заимствование, но иное, чем предполагаемое, или, напротив, сохранение некоего архаизма балтоидного типа (ср. вокализм *a*), обусловленное особыми обстоятельствами, скорее всего экспрессивным ономастическим характером слова, ко-

торый и объясняет "выведенность" звуковой формы этого слова из фонетического эволюционного ряда и, так сказать, ее мумификацию.

И в случае заимствования этого слова или его сохранения как архаизма прежде всего приходится обращаться к балтийскому материалу. Впрочем, в наиболее полных списках славянских заимствований из балтийских языков слово *балда* / *balda* / *bałda* не значится, хотя как заимствования указаны польск. диал. *bałdać się* 'стучать', 'производить шум, толкая мебель и другие предметы'; 'двигаться', 'тереться' (сейн.) — из лит. *baldóti* 'стучать', 'шуметь' : *bélsti* 'стучать' (Zdancewicz 1960, 936; Лаучюте 1982, 74-75); русск. *балды* 'детская колыбель с палками' (псковск.) — из лит. *báldai*; *báldis*, *-ė* 'деревянная посуда для стирки' (Лаучюте 1982, 98-99). К числу слов, балтийское происхождение которых недостаточно аргументировано, относят польск. *bałdyga* 'высокий неповоротливый человек' (см. Лаучюте 1982, 137-138); ср. *baldóti*, *baladóti* 'стучать' (ср. Zdancewicz 1963, 237). Однако эти узорегиональные заимствования, как и соответствующие языковые контакты в ситуации *hic et nunc*, не в состоянии объяснить всю проблему элемента *bald-* в славянских и балтийских языках.

Обращаясь здесь к этой проблеме, следует обозначить "источническую" и ареальную ситуацию. Наиболее обширный материал, относящийся к лексемам с корнем *балд-* / *bald-*, составляет русский (отчасти — белорусский) язык со славянской стороны и литовский с балтийской. Поэтому в дальнейшем придется опираться прежде всего на данные этих языков. Существенно, что наиболее достоверно ареал лексем с корнем *балд-* в русских диалектах охватывает дугообразный пояс, включающий в себя территории Псковской, Тверской, Смоленской, Калужской, Орловской, Рязанской, Владимирской губерний, что в достаточно высокой степени соответствует зоне периферийных балто-славянских языковых контактов в древности. Важно иметь в виду и смежные территории, на которых обнаружены следы инфильтрации лексем с корнем *балд-* (Курская, Воронежская, Тамбовская, Симбирская, Нижегородская, Ярославская, Костромская губернии), хотя такие лексем известны и в Заволжье, Приуралье, на

Урале, в Сибири и т. п. Естественно, что в отношении *балд-* лексем и Белоруссия примыкает к указанному выше великорусскому ареалу этих лексем. Наличие таких лексем в украинском, чешском и польском также, возможно, отсылает к древним зонам балто-славянских языковых контактов в южной и западных частях общего балто-славянского ареала. Изолированным остается словен. *bálda*, хотя, впрочем, на эксклюзивные балто-словенские изоглоссы в недавнее время указывали Ф. Безлай, Н. Михайлов и др., а на древние переключки "адриатического" и "балтийского" локусов в гидронимии — Г. Краэ, G. Alessio, В.Н. Топоров.

Если до сих пор славянские *балд-* лексем и балтийские *bald-* лексем не были сопоставлены друг с другом, то причиной этому была неразработанность семантической структуры слов с корнем *балд-* / *bald-* в обеих языковых ветвях, а отчасти и игнорирование морфонологических отношений семьи *bald-* лексем с исходным глаголом со стороны тех, кто занимался этимологией слав. *balda* / *балда*. А именно балтийская ситуация должна быть признана более древней, более полной и обладающей большей "разрешающей" способностью.

В центре семьи *bald-* лексем в литовском стоит глагол *bélsti* (*béldžia*, *béldė*), форма которого образует морфонологическую глагольно-именную оппозицию *beld-* : *bald-*, ср. также нулевую степень корня *bild-* (*bildėti* 'стучать', 'грохотать' : *bildesỹs* 'стук', 'грохот', 'шум'). Эта основная оппозиция представлена и в латышском, где, однако, исходный глагол, сопоставимый с лит. *bélsti*, подвергся посторонним влияниям (о них см. Karulis I, 120), ср. **beld-* (*belzt*) : **bald-* (в гидронимии, о чем см. ниже). Лит. *bélsti* имеет следующий круг значений — 'бить', 'разбивать', 'ударять', 'стучать'; — 'шуметь', 'гремять', 'грохотать', 'стучать'; — 'громко оживленно говорить', 'болтать'; — мучиться', 'биться'; — 'плодиться (о лошади)', см. LKŽ I, 1968, 741. Естественно предположить, что исходным значением является механическое силовое действие — ударять, бить, разбивать, разламывать. Вторичный звуковой эффект образует "акустические" значения, определяющие характер речевой деятельности — громкая, "шумная" речь. Остальные значения также выводятся из круга исходных значений. Связь первых двух

семантических кругов вполне естественна: стучит (ударяется) и слышится стук, результат стучания (ср. о дятле «kas beldžias»: *Genys beldėjas, beldžia ir beldžia jis sau*. LKŽ I, 739). Понятна связь с этим кругом значений и существительного лит. *baldas* 'палка или шест, чтобы пугать рыб' (LKŽ I, 589): ею бьют по воде и шум от ударов распугивает рыб; палка выступает здесь как колотушка, стучалка, и в этом отношении *baldas* вполне соответствует русск. балда́ 'палка', 'палица', 'дубина', 'колотушка' (лит. *baldė*, «toks medinis indas, paskubilis, žema statinaitė». LKŽ I, 589 сюда не относится; оно заимствовано из нем. *Balge* 'бадьа', 'лохань' и т. п.; к распространению лит. *balgė* в основном в Клайпедском крае ср. Liet. kalb. atl. I, 1977, 73: *Koželiai*, Клайп. р-н., *Šiaūduva*, Шилальский р-н; впрочем, очень характерно гибридное образование *baldikė* из *Plikiāi*, Клайп. р-н, возникшее в результате взаимодействия *baldė* / *Balge*, и *baldis*. LKŽ 590, с одной стороны и *bald*-лексем, с другой). В этом же кругу понятно и значение лит. *baldà*, о шуме, стуке, грохоте (*Su ratais važiuot didelė baldà*. LKŽ I, 589), и ряда других слов так или иначе реализующих это значение (см. LKŽ I, 589-592). Ср. также вторичные глаголы (по отношению к *bėlsti* и к *baldas*) — *baldóti*, *baldėnti*, *baldinti* и др., лтш. *baldities* 'стучаться', 'биться', 'колотиться' (ME Erg.-h. 212 при *belzt* 'ударять'. ME 1, 278).

Несколько сложнее (по крайней мере по видимости) ситуация с лит. *balđai* 'мебель', 'домашний скарб', 'пожитки', 'рухлядь'; 'разные ненужные, поломанные вещи', 'хлам'. Некоторые примеры (в частности из старых текстов) позволяют приблизиться к пониманию того, что объединялось под этим словом. Ср., например, *Dailidavo sau patys namų baldus, beje: kubilus, bosus, verpeles, aktainius, legeres, rakandas, pintines*. S. Dauk. или *Žalgu vežti baldūs: kubilus, arklus, žambius, ekėčias*. Юшк. (LKŽ I, 589). Таким образом *balđai* (*balđai*) не только мебель (столы, стулья, лавки, шкафы, сундуки и т. п.) и не только "стоялая утварь в доме", по определению Даля, относящемуся к пониманию мебели в русском старинном быту (II, 811), но и то, что вообще хранится при доме, хотя и может использоваться в него, и что составляет "рушимое добро", движимое имущество, рухлядь, рухло в его коренном значении.

Таким образом подвижность оказывается одной из семантических мотивировок обозначения мебели и принципом, определяющим, что входит в ее состав. Языковые данные подтверждают эту связь. Достаточно сослаться на франц. *meuble* (*mueble*, XII в.) < вульг.-лат. *mobilis* : *movere* или на русск. рухлядь, рухло при праслав. **ruхь* 'движение, ср. польск., чешск., словц. *ruch*, укр., блр. *рух* и т. п. Но сама идея движения тесно связана с другой идеей — рушения, на-рушения, разрушения, которое и есть своего рода сдвигание, изменение места (а вторично — и с идеей шума, ср. н.-луж. *rušowaś* 'шуметь', 'бушевать' и т. п.). В лит. *balđai* как обозначении движимого имущества внеязыковая идея движения сочетается — через первообразный глагол *bėlsti* — с идеей рушения, ломки, разбивания (ср. нем. *Gerümpel* [: *rumpeln*], в частности, используемое для перевода лит. *balđai*), с одной стороны, и шума, стука, грохота (ср. нем. *Gerumpel* 'грохотание' и т. п.), с другой. Можно думать, что семантическая мотивировка лит. *balđai* сходна с обозначением щепяного товара в русском языке, обозначающего деревянную посуду, поставцы, стояки, складни, игрушки и т. п. и предполагающего, видимо, определенную технику деревянной резной, токарной работы (ср. щепить : расщепить и т. п.). Кстати, русск. лом (: ломить, разломить) сочетает те же значения рухляди, обломков, ненужных поломанных вещей, сора и шума, возни, суматохи (ср. СРНГ 17, 1981, 115, 126 [ломь, ломье] и др.).

В русском языке лексемы с корнем балд- при фонетическом тождестве с литовскими *bald*-лексемами обнаруживают и высокую степень семантической конгруэнтности. При этом ключевым и исходным семантическим элементом является, как и в литовском, комплекс "бить - ударять - стучать", из которого выводимы другие значения. Отличие от литовской ситуации состоит в том, что при отсутствии первичного глагола со значением "бить", "ударять", "стучать" эти значения восстанавливаются по значению производных балд-лексем и по фразеологии типа балды бить 'болтать', 'пустословить', 'бездельничать', бить по балде 'ударить по голове' (ср. дать по балде 'то же'), твоей балдой только двери прошибать, а ты жизни учить задумал (Елистратов 1994, 30; Быков 1994, 22), балду на-

бить, об эрекции (ср. балда́ 'penis') и др. Русск. балда́ обозначает деревянные изделия типа палки, палицу, дубину, булаву, колотушку (: колотить), мутовку и т. п. и каждый из этих предметов — орудие для битья, своего рода било, стукалка и т. п. Ударная часть такого орудия в виде утолщения, набалдашника — то, чем бьют, или что набивают при битье — шишка, желвак, нарост и т. д., т. е. "набитое". Другой вариант "набитости" — обозначение чего-то "ненормативного" — громоздко-неуклюжего, неполноценного, грубого, глупого, ср.: балда́, собств. — 'стукнутый', 'чокнутый', 'набитый' /дурак/ и т. п. Круг "шумовых" значений эксплицитно в русск. балда́ не выражен, но предполагается такими речениями, как я от этого шума (стука) совсем обалдел и т. п. Сами же эти значения производны от идеи битья, удара, стука. Серийно организованные шумовые эффекты (стук), имеющие своим источником последовательность наносимых ударов-"стукнов", становятся основанием для метафоризации болтовни и болтуна: (: болтать/ся/ из праслав. *bьltati / *bьltati /se/, см. ЭССЯ 3, 1976, 119-121, ср. нем. poltern 'стучать', 'греметь', лит. báldyti, baldéti, bildéti и т. п.; сюда же — праслав. *bьltь, которое в отдельных славянских языках использовалось для обозначения палки или шеста с утолщением, применявшихся для вспугивания рыбы [ср. лит. baldas], мутовки [ср. блр. бовт] и т. п.; дискретное стучание при болтании-смешивании превращается легко в непрерывный шум), ср. русск. ба́лды бить 'болтать', 'пустословить' (а далее и — 'бездельничать', 'пьянствовать' и т. п.), балди́ть 'часто повторять одно и то же' (Будет тебе одно и то же балдить мне. СРНГ 2, 80), но и 'праздно проводить время', 'пьянствовать'; балдавэшка (Эй, ты, балдавэшка, хватит тебе глупости молоть; Ай, слухай ты его балдавэшку. Чистая балдавэшка баба. СРНГ 2, 79 — оба примера из русских говоров Литвы и Латвии). В этом же семантическом узле находит себе объяснение и значение "бездельничать" в русск. балди́ть или ба́лды бить.

Наконец, следует привлечь внимание еще к одному случаю балто-славянского тождества на примере слов с общим корнем балд- / bald-, тем более поучительном, что само его вхождение в рассматриваемый круг лексем и их значений с первого взгля-

да может оказаться странным. Речь идет о соотносительности таких примеров, как русские обозначения заросшего, заболоченного озера, в котором водятся караси (ср. балда, ба́лдавина, балдо́вина. СРНГ 2, 79-80), и балтийские гидронимы с соответствующим корнем, ср.: прусск. Baldayn, поле и озеро, 1377; Baldeyn, 1344, позже — Baldehnen-See; Boldeyn, озеро, 1524, позже — Beldahn-See, а также Baldekaym, 1347; Baldingis, 1284 (APON 15); — лит. Baldija, Baldōkas, Baldōnas, Baldūnų ėžeras, Bāldupė (LUEV 1963, 12; LHEŽ 1981, 56-57); лтш. Baldas, Balde, Baldis, Baldukš-puro, Baldun-ęžers, Baldūne, Balduona и др. (LV I, 1, 78), днепр. балт. Болдыж л. п. Болвы, л. п. Десны, л. п. Днепра (Лавш 1962, 177) и др. Следует обратить внимание на взаимосвязь обозначений болота, топи, с одной стороны, и идеи ломания, разбивания, нарушения, с другой, имеющую многочисленные типологические параллели, из которых здесь достаточно ограничиться минимумом, ср.: нем. Bruch 'болото', 'топь', но и 'излом', 'пролом', 'лом' при brechen 'ломать', 'нарушать', 'рвать' и т. п. или русск. диал. лом 'болото', ломина, ломь, лось, лосья и т. п., 'то же', но и 'лом' при ломать (СРНГ 17, 1981, 116, 119, 126). См. Пр. яз. I, 1975, 185; из других объяснений ср. APON 15; LV I, 1, 78; Nalera 1966, 188-189; Дамбе 1970, 133; LHEŽ 57 и др.

Вот эта семантическая конгруэнтность ядра русских и литовских, resp. славянских и балтийских балд- / bald-лексем и взаимодополнительность в частях, не относящихся к ядру на периферии, лучше всего свидетельствует о единстве балто-славянского bald-комплекса, независимо от того, как возникло это единство. В любом случае оно осуществилось под "балтийским" знаменем и по "балтийским" правилам. Если это тождество балт. *bald- и слав. *bald- представляет собою результат генетического единства и, следовательно, предполагает "равенство" сравниваемых элементов, то перед нами еще один пример в дополнение к балто-славянскому словарю, хотя славянская форма *bald- / балд- при этом оказывается редким исключением, требующим особого объяснения. Если же это единство не генетического характера и, значит, вторично и его следует объяснять заимствованием балтийского языкового элемента в славянские языки, то эвристическая ценность

этого заимствования особенно велика, поскольку заимствование или сохраняет многое из того, что в самом источнике его уже утрачено, или же развило в себе и тенденции, которые могли присутствовать в балтийском источнике, но не получили в дальнейшем развития.

Остается добавить, что рассмотренные здесь балтийские и славянские факты составляют лишь часть более широкого контекста, и в нерассмотренных частях которого обнаруживаются следы сходных типов и сходного, "параллельного" развития, как бы этот параллелизм ни объяснялся. Подробнее об этом см. Топоров 1997.

Здесь уместно только напомнить о лексемах с тем же корнем и предшествующим ему архаичным балто-славянским префиксом *ša-/še-*. Ср. лит. *šabálda*, о неуклюжей громоздкой вещи, *šabaldėlis* 'бездельник', *šabaldošius* 'болтун', *šabaldoti*, *šabaldžiūoti* 'косноязычно говорить', 'шепелявить', *sabaldinti* 'шуметь', 'стучать'; 'шляться' (ср. также *šebaldėlė* 'пустомеля', 'болтун', *šebeldūkas* 'тот, кто шепелявит', *šebeldōkas* 'шалопай' и др., *šėbeldoti* 1 'возбуждать', 'дразнить', 'прицепляться'; 'грубо приставать', 'вешаться', *šėbeldoti* 2 'тяжело, с трудом идти' и др. LKŽ XIV, 387-388, 601-602: *šeben-*) при русск. *шáбáлдá* 'бестолковый пустомеля', 'болтун', 'врун'; 'шатун' (Даль IV, 1384), вар. — *шéбáлда* 'бьющий баклуши человек' (Даль IV, 1414); *шáбóлда* 'праздная женщина', *шáбóлдатъ* 'вахлять', 'делать кое-как', *шáбóлдатъ*, *шáбóлдитъ*, *шáбóльдитъ* 'шататься', 'слоняться праздно', *шáбóлдóшить* 'шататься', 'бить шабалу' (ср. *шэбóльничать*), *шáбóлдóшничать* (: *шáбóлдошник*, ср. *шáбóльник*) (Даль IV, 1386-1387, ср. также *шáбáла*, *шáбóлить* и др.).

В свете сказанного выше о балт. *bald-* и слав. *bald-* / *балд-* в семантическом аспекте кое-какие факты литовской фразеологии получают более точные объяснения в том, что касается мотивации смысла. Так, идиомы типа *tuõ báldu* 'между тем', 'тем временем' буквально (для известного времени) должны пониматься как 'тем раз о м', ср. *разítъ* 'ударить', 'стукнуть' (ср. во временном смысле — *раз я шел лесом... или тем раз о м [в тот раз] все обошлось благополучно...*): *Mes su juo deramės, tuõ báldu i jėjo į gryčią vyras* (LKŽ I, 589), ср. также *sàvo baldu*

'своим умом', 'по своему усмотрению' (*Nedaryk s à v o b á l d u , pasklausk razumesnių*. Ibid.) при своим образом 'по-своему' (ср. *делай не сразу, а сначала подумай при лучше делать сразу, не раздумывая*).

Особая область — отражение рассмотренных *bald-* смыслов, а отчасти и исходной семантической ситуации на междометном уровне, сохраняющем иногда глубокие архаизмы. Ср., например, русск. *шáлды-бáлды*, *шалтáй-балтáй*, *шóлты-бóлты*, *шалай-балай* (Даль I, 1393; Слов. Забайк. 458 и др.) при *шалтáть*, *шалтыхáть(ся)*, *болтáть* и под. с идеей болтовни, пустословия, небрежного, халтурного действия. Несмотря на то, что в связи с этими словами иногда высказывают мысль об их тюркском происхождении (правда, обычно без аргументации, во всяком случае без должной степени доказательности), уместно бросить взгляд и в другую сторону, а именно балтийскую. Здесь привлекают к себе внимание междометийные образования типа *šaldỹ baldỹ*, о дефектной, неполноценной речи, о звуках, издаваемых индюком, *šaldù baldù*, при обозначении быстрого, хлопотливого (иногда "так-сяк") действия и т. п. (LKŽ XIV, 433, 439; стоит заметить, что подобные двойные рифменные междометия в известном отношении можно рассматривать как развертывание соответствующих глаголов типа *шáболдатъ* или *šabaldoti* → *šaldù baldù*, а глаголы — как результат компрессии таких двойных междометий), с одной стороны, и, с другой, такие усеченные варианты, как лит. *baldỹ* или с повтором *baldỹ baldỹ*. Interj. (ср. русск. *бáлды-бáлды* или *балда балду гонять*), в функции обозначения шума, стука и т. п.: *baldĩñ*. Interj., 'то же'; *báldù*. Interj. 'то же' (LKŽ I, 590-592), но и *bildũ*. Interj. (и *bùldu bùldu*), *buĩdu buĩdais*. Interj., *buldumĩ*. Interj. LKŽ I, 1817, 1151.

Разумеется, во всех этих случаях ономастическая поэтика не только играет определяющую роль, но, и, по сути дела, правит бал. И все-таки за "ономастическим" усматривается нечто иное, и ситуация такова, что можно строить определенные гипотезы, выбор из которых зависит от решения вопроса о том, что чему предшествовало: междометие — полнозначному слову (существительному или глаголу) или, наоборот, полнозначное слово — междометию. Поскольку этот выбор, строго говоря, сейчас невозможен, приходится ограничиться

условной этимологизацией сочетаний типа *шалды-балды* или *šaldù baldù, šaldỹ baldỹ* в литовском языковом коде. Ключом могли бы стать литовские глаголы *šaldyti* 'морозить', 'холодить', 'студить' и *baldyti* 'ударять', 'бить', 'стучать'. Учитывая, в частности, флексии наречия и слов категории состояния (-ai, -и и др.), можно было бы восстановить исходный смысл этих сочетаний — нечто вроде "холодно-бито" по образцу некрасовской *Песни убогого странника — Холодно, странничек, холодно!* / ... / *Голодно, странничек, голодно!* или поговорки типа *Где пито, там и бито; пито-бито* и т. п. (кстати, -ай в *шалтай-балтай* допускает понимание его и как окончание 2 л. ед. ч. императива в "русском" языковом коде, и как окончание наречия в "литовском" языковом коде -ai). Но при любом выборе, более того, при любой гипотезе нельзя, видимо, игнорировать "многофакторность" в истории подобных образований и присутствие потенции экспериментального смыслообразования и именования "старыми словесы" новых в этом отношении объектов. Если говорить о последнем, то, достаточно взглянуть на то, как старое слово *балда* и другие слова из той же семьи (*балдѣж, балдѣжник, балдѣжница, балдѣжный, балдох, балдѣха, балдеть, балдить, балдѣжничать*), большая часть которых словообразовательно оформилась на наших глазах, динамично отозвались — и тоже в самое последнее время — на новые реалии *сего времени* и на новые внеязыковые ситуации, о чем можно судить по словарям арготизмов и жаргонной лексики (см. Слов. ТЛБЖ 1992, 23; Елистратов 1994, 30-31; Быков 1994, 22-23 и др.). К ответу на этот вызов времени семья *балд*-лексем оказалась готова — и в словообразовательном, и в семантическом, и в ономапопеическом отношении.

2. Балто-слав. *dud- : *du-n-d и т. п.

Этот корень в обеих приведенных формах зафиксирован прежде всего в глаголах — "простом" и инфигированном, принадлежащих к нередкому в балтийских и славянских языках типу со схемой *CuC- : Cu-n-C-* (где *C* — согласный звук), ср. лит. *gudėti, gundėti*, русск. *гудеть : гундеть, прудить : прундить*

и т. п. Ср. русск. *дудеть* 'играть на дудке, трубе и т. п.', диал. *дудеть* 'шуметь', 'свистеть', 'гудеть' (о ветре). СРНГ 8, 247, блр. *дудзэць* 'дудеть', укр. *дудіти*, с.-хорв. *dúdet* 'с трудом, тяжело идти', 'раскачиваться при ходьбе' — к **dudėti* (см. ЭССЯ 5, 147; Słown. prasłow. 5, 75-76); — русск. диал. *дудить* 'пить помногу, долго' (СРНГ 8, 247), блр. *дудзиць* 'играть на дуде', 'с жадностью пить', укр. *дудіти* 'играть на свирели', укр. диал. *дудіти* 'то же'; с.-хорв. диал. *дудити* 'дудеть', 'издавать звук' — к **duditi* (ЭССЯ 5, 147; Słown. prasłow. 5, 75-76); — с.-хорв. *дудати* 'дудеть на дудке, волынке и т. п.', 'дуть'; 'много пить', 'сосать' (о ребенке), 'тяжело, с трудом ходить, раскачиваясь на ходу', словен. *dúdati* 'дудеть', 'играть на волынке', 'делать кое-как, медленно'; чеш. *dudati* 'играть на волынке', 'издавать звук', диал. *dudat* 'сосать (грудь)', словц. *dudat* 'играть на волынке', 'напевать', в.-луж. *dudać* 'дудеть', 'издавать звук', польск. диал. *dudać* 'дудеть', каш. *dëdac* 'думать', ср. диал. *wy-dudać* 'выдолбить' и т. п. (ЭССЯ 5, 147; Słown. prasłow. 5, 74-75). С балтийской стороны этим примерам соответствует прежде всего лит. *dudėti* 'грохотать', 'гремять', 'громыхать'; 'громко говорить'; 'идти, ехать с шумом' (ср.: *Tik du du dar su d u d è j o kažin kas už d u rų*, с установкой на звуковую мотивацию. LKŽ II, 791), но и *dudėnti* 'погромыхать', 'негромко болтать', 'говорить', *dudinėti* (*Užeina didelės debesys, jau girdėt ir d u d i n é j a , tik da toli*. LKŽ II, 792); лтш. *dudināt* 'тихо говорить', 'бормотать'; 'гремять', 'громыхать' (ME I, 510; ME Erg.-h. 339: в частности, и в значении 'дрожать от холода'), *dudinēt* (ср. *āiz-dudinēt*. ME Erg.-h. 339); надо думать, что отчасти в этом же ряду стоит лтш. *dudzēt* 'гремять', 'громыхать' (о раскатах грома); 'дребезжать', 'гудеть', (ср. *zeme dudz* ME I, 510; не исключено, что сюда же относится и *dudzēt* II 'einen Bodensatz absondern'. ME Erg.-h. 339, гипотетически — отделение осадка от жидкости потряхиванием как видом особого "дрожательного" движения. Нужно подчеркнуть, что, уступая славянским примерам в количественном отношении и в разбросе значений, балтийские глаголы обнаруживают первенство в архаизме семантики, точнее — в мифологических коннотациях этого глагола, связываемых с небесным громом и его персонификацией Перкунасом-Перконсом, о чем свидетельствуют, с одной

стороны употребления этого глагола, а с другой, прозвища Перкунаса — *Dundulis, Dūdu senis* как замена исходного сочетания *senis (Perkūnas) & dūda (dudēti)*, о гремящем Громовержце (ср. Balys 1937, 160-161; Иванов, Топоров 1974, 106, 116; Laurinkienė 1996, 48 и др.). В этом "перкуническом" контексте лтш. *dudzēt* 'греметь', 'громоыхать' может быть понято как результат скрещения балт. **dud-* (*dudēt*) и **duz-* (ср. лит. *dūzgėti* 'стучать', 'греметь', 'громоыхать'; 'гудеть'; 'болтать', с которым сопоставляется праслав. **dъždь* 'дождь', см. ЭССЯ 5, 195-197 и др.; ср. также *dūzgenti; dūgzti [dūzgia]* и др.; к образу дождя как испускаемой Громовержцем воды ср. русск. *дудó-шиться* 'обписаться' и т. п.).

Но сходство этих балтийских и славянских примеров может быть существенно расширено за счет других глаголов с тем же корнем, но с соответствующими грамматическими или словообразовательными усложнениями. Прежде всего речь идет об инфигированных глагольных формах типа **du-n-d-* (при **dud-*). Ср. русск. *дунд́ить* 'однообразно и надоедливо говорить что-либо', 'твердить одно и то же'; 'издавать однообразные надоедливые звуки'; блр. *дундзэць* 'грохотать', 'греметь', *дундзіць* 'говорить неясно', 'бубнить'; 'сосать' (Этым. блр. 3, 164); польск. диал. (виленск.) *dundzić* 'раздаваться' (о топоте). Вержбовский, см. Лаучюте 1982, 76 (заимствование из литовского); н.-луж. *dundaś*, в.-луж. *dundać*, чеш. *dundati*, диал. *dundat*, морав. *d'unđat*; словен. *dōndati* 'бездельничать', 'праздно проводить время' и т. п.; (см. Słown. prasłow. 5, 74-75) — с характерным и для других подобных случаев пространственным распределением (словенские факты в этом отношении особенно показательны). — Сюда же, естественно, относятся и существительные типа русск. *дунд́ук* 'бездельник', 'лентяй', 'глупый, бестолковый человек', 'сутулый, сгорбленный, высокого роста человек', 'толстяк' (ср. *дунд́укать* 'дудеть'), *дундул́ук*, *дунд́уля* 'болван', 'остолоп'; 'верзила' (ср. *дунды́рь* 'удар кулаком', 'тумак'), ср. *дунтэ́ть*, *дунчэ́ть* 'гудеть', 'шуметь' и др. (СРНГ 8, 258), блр. *дунда́р* 'гром', укр. диал. (закарп.) *дунда*, *дунд́ук*, *дундер* 'молния', 'гром', 'чорт', 'дьявол' (со следами влияния нем. *Donner*) (Етим. укр. 2, 145-146); словен. *dōnda* 'большая неуклюжая женщина', диал. *dūnda* 'то же', 'кукла', с.-хорв.

dūnda, dunda 'толстый, неуклюжий человек', болг. *дунда*, *дунд'у*, макед. *дунда* (Słown. prasłow. 5, 94).

Балтийские языки фиксируют многочисленные примеры подобных же инфигированных лексем, часть которых безусловно принадлежит "перкуническому" словарю. Ср. лит. *dundėti* 1. 'греметь', 'громоыхать', 'грохотать'; 'стучать', 'громко говорить', 'идти или ехать гремя, с шумом' (ср.: *Griaustinis du ņ d a*; *Pareit smarki perkūnija, dūnd visi pasaliai; Vidur kalnų dundėjo griausmai* и т. п. LKŽ II, 853), *dundėnti* (*Perkūnija dunden*. LKŽ II, 852), *dundinti* (*Girdėt jau vėl perkūnelis dundina*. LKŽ II, 854), *dunduoti* (LKŽ II, 856), вероятно, сюда же *dundėti* 2 'истлевать', 'гнить', 'разлагаться' (LKŽ II, 854), а также, несомненно, и инфигированные существительные типа *dunda* 'бездельник', 'шалопай', *duñdė* 'толстая неуклюжая женщина'; 'наглец' (ср. *dundė* 'рогоз'), *duñdas*: *du ņ d u d u ņ d a i s e i t i* 'шуметь', 'неистовствовать', *dundėjimas, dundėnimas, dundesys* 'грохот грома', *dundimas, dundinimas, dundojimas, dundukas* 'глупец', *dundutis* и др. (см. ниже). LKŽ II, 852-856. Ценны и латышские данные (тем более, что сохранение сочетания *-in-* между согласными в этом языке в принципе относится к числу исключений. Ср. лтш. *dundēt* 'греметь', 'грохотать' (*debešs dārd un gaisi du nd*. ME I, 516), *duñdināt* 'гудеть', 'ворчать', 'бормотать'; 'греметь', 'громоыхать', *dunduôt*, ср. также глагол *duñēt* 1 'греметь', 'громоыхать' (но и *duñēt* 2 'гнить', 'портиться'). ME I, 516-517; ср. также существительные *dunda* 'die Unentschiedenheit, das Schwanken', *duñdība, dundava* 'die Stelle, wo die Düngerwürze zusammenfließt' и др. (ME I, 515-516; ME Erg.-h. 346) с сильно отклоняющимися значениями.

И в славянских, и в балтийских языках сходство лексем с корнем **dud-*: **du-n-d-* умножается за счет вторичных образований с формантами *-l-*, *-r-*, *-n-*. Они разнообразны по своим типам, нередко представлены лексемами, возникшими уже в особой жизни этих языков, хотя за ними довольно прозрачно обнаруживаются и некие общие истоки. Ввиду множества примеров придется ограничиться упоминанием лишь части их.

Наиболее полно представлены глагольные (соответственно — именные) *l-*образования. Ср. праслав. **dudьlati, *dudьliti*

(Słown. prasłow. 5, 79-80), **dud(ь)liti* (ЭСЯ 5, 148-149) 'издавать звук', 'играть на музыкальном инструменте'; 'бормотать'; 'жадно пить', 'сосать'. Известную трудность в конкретном отнесении тех или иных примеров из славянских языков представляет собою необходимость выбора между производными с суффиксом *-*dlo* от глагола **duti se* 'сердиться', 'дуться' или производными от слова **duda*. Ср. русск. дудлить 'пить из большого сосуда через край'; 'пить сквозь зубы', дудолить 'сосать', 'пить неотрывно', дудолиться, ср. дудобит (СРНГ 8, 249-250), укр. дудлити; с.-хорв. дудлити 'сосать грудь', дутлити, дудляти, дудолити, словен. *dūdlati*, *dūliti*; польск. *dudlać*, чеш. *dudlati*, диал. *dudlat*, словц. *dudlat*, *dulit* /*sa*/ (см. Słown. prasłow. 5, 79-80; ЭСЯ 5, 148-149), а также **dudьla*, **dudьlo*, **dud(ь)lo*; **dudlo*, **dudльсь* должны рассматриваться особо. Ср. также русск. дудоль, дудолька, дудель, дудли, дудала 'кто много пьет', дудалаш, дудолица, дудолка, дудола, дудоля 'ребенок-сосун', дудулька (СРНГ 8, 247-251; *дудулить ?), дуль, дудля, укр. дудля; с.-хорв. *dudla*, *dūdla*; польск. диал. *dudła*, *dułta*, словц. диал. *dudla* и др. К **du-n-d-ul-* ср. русск. дундуля 'болван', 'дылда', 'верзила', 'долговязый человек', дундулук 'дурак', 'болван' (СРНГ 8, 258; ср. Лаучюте 1982, 107).

Балтийские образования на -*l-*, которым распространяются лексемы с корнем **dud-* и **du-n-d-*, более разнообразны. Ср. лит. *dudeliuóti* 'гремять'; 'стучать' (LKŽ II, 790), *dudlėnti* 'трещать'; 'говорить', может быть, *dūduloti* 'тихо говорить', 'бубнить', *dūdulti* 'гремять', 'грохотать'; 'говорить вполголоса'; 'неясно видеться в темноте' (LKŽ II, 792-793); лтш. *duduļāt* 'дрожать от холода', 'мерзнуть' (ME Erg.-H. 339), но и существительные лит. *dudulis* 'гром' (*perkūnas*), ср. также Interj. *duduik*, *duduikt*; лтш. *du-dulis* 'ein weinendes Kind' (ME I, 310), с одной стороны, и с другой, лит. *dundalioti*, *duñdaloti*, *dūndaliuoti*, 'говорить тихо', *dūndinti* 'гремять', 'грохотать' и т. д., *dunduliūoti* 'гремять', 'громять'; 'роиться'; 'болтать'; 'прохаживаться', 'шмыгнуть'. *duñduluoti*, *duñduloti* (LKŽ II, 852-856); лтш. *dunduļūot* (ME I, 516: 'im Rausche taumeln und lallen', но и существительные — лит. *duñdulas* 'kas dunda' (ср. *duñdula sudirbti* 'поднимать шум'), *dunduliāvimas*, *dundulinis* 'storas iškupeš' (Adj.), *dundūlis* 1 'гром'; 'водоворот', 'вихрь', *dundūlis* 2 'пустомеля', *dundulys* 1 'гром'

'шум'; 'пчелиный рой', *dundulys* 'болтун', 'пустомеля', *dundulo-jimas*, ср. *dunduliūotas* (Adj.) и др. (LKŽ II, 855-856; ср. *dundūle* 'связка, сплетенная из соломы'; 'род травы'; 'верхняя часть парового котла'); лтш. *dundaļi* (к *dundaļūot*), *dūndulis* 'кто говорит через нос', *duñdulis* 'маленький ребенок-крепыш'; 'крепко сбитый снежный ком', *dundulis* 'шум' (ME I, 516; ME Erg.-h. 342). Особенно показательно одно из наименований Перкунаса — лит. *Dundūlis*.

Из балто-славянских расширений корня **dud-*, **du-n-d-* с помощью элемента -*r-* ср.: праслав. **dud(o)rati* (ЭСЯ 5, 150): макед. дундури се 'дуться', 'сердиться'; 'расфуфыриваться', с.-хорв. дундорати 'бормотать', 'говорить неразборчиво', дундорати, словен. *dūndrati* 'тарыхтеть'; 'болтать', но и *drdrati*, чеш. диал. *dudrati* 'ворчать', 'брюзжать', словц. *dudrat* 'шептать'. Праслав. **dudarь* (Słown. prasłow. 5, 74; ЭСЯ 5, 147) - русск. дударь 'сор', 'мусор'; 'музыкант, играющий на дудке, свирели, волынке' (ср. дударем 'название игры для взрослых'), дударечек, дударичек, дудора 'хлам', 'мусор', 'изношенная одежда'; 'дурак', 'дура', дудор, дудори, дудыря (СРНГ) 8, 247, 250-251), укр. дударь, блр. дудар; с.-хорв. дудар, словен. *dudar*; чеш. *dudař*, ст.-польск. *dudarz* и др. (Słown. prasłow. 5, 74; ЭСЯ 5, 147), с одной стороны, и с другой, — русск. дундырь 'удар кулаком', укр. дундер (см. выше); польск. *dunder*, н.-луж. *dunder*, в.-луж. *dunder* (заимствования из немецкого учитывающие влияние славянских лексем с корнем **dund-*), с.-хорв. дундар 'пыль'. Из таких же двух групп в балтийских языках ср. лит. *dudūra* 'тот, кто колет, тыкает, пронзает' (LKŽ II, 794: как контаминация *dud-* с расширением -*r-* и *dūrti* [*dūria*, *dūrė*]), лтш. *duduris* 'der Stosser' (в языке загадок'; 'тот, кто потихоньку ходит взад и вперед' (ME I, 510), *duduris* 'усталое, слабое, окованное существо', *dudurs* 'ein hüttenähnliches Stübchen', *dudurmice*, *dudāris* /?/ (ME Erg.-h., 339), во-первых, и во-вторых, лит. *dunduris* (= *dundulis*), *dundurys* (*Gastrophilus equi*), *dunduriūoti* 'гремять', 'грохотать', 'неясно говорить' (LKŽ II, 856); лтш. *dundurēt* 1 'гудеть', 'ворчать', 'жужжать'; *dundurēt* 2 'растрачивать время', 'бездельничать'; *dundurēt* 3 'понуждать', 'подгонять', *dunduruot* 'бормотать', *duñdurs* 'слепень', 'оса'; 'глупый человек' и т. п. *duñduris*, *dūndurnīca*,

duñdurnāji, dūndurmice, duñdurjanis, dunduriņš, dūndars 'слепень' (ME I, 516; ME Erg.-h. 342).

Несколько менее показательны соответствия с расширением *-n-*. Ср., с одной стороны, русск. *дудонить* 'сосать' и т. п. (см. выше о *дудобить*), *дудоня*, *дудун* 'вислогубый человек', *дудняк* 'зонтичное растение' и т. п. (СРНГ 8, 249-250) и др. и праслав. **dudьnēti, *dudьnati, *dud(ь)nēti* (Słown. prasłow. 5, 80-81; ЭССЯ 5, 149-150) : укр. *дудніти* 'гудеть', 'греметь', 'шуметь' (земля *дудніла*), блр. диал. *дуднённе* 'шум'; болг. диал. *дудн'е, дудн'ем* 'бубнить', 'неясно говорить', *дудна*, макед. диал. *дунда* 'бормотать' (с метатезой — из **дудна*), ср. также несколько иной тип словен. *dūdnjati : dudnja* 'гром', с.-хорв. *dūdnjati*; польск. *dudnieć* 'греметь', 'глухо звучать', кашуб. *dūdńec*, чеш. *duněti* < **dudnēti*, диал. *dudniet'*, словц. *dudniet'*, *duniet'*, диал. *dudñec, duñec*, но — словен. диал. *dudnat'*, болг. диал. *дудна* или же польск. *dudnić*, в.-луж. *dudnić*, чеш. диал. *dudnit*, словц. диал. *dudnic*. В балтийских языках в соответствующих глаголах элемент *-n-* появляется в глаголах типа лит. *dudėnti, dudinėti, dudnóti* (ср. *Perkūnas d u d n ó [j a]*), ср. Interj. *dudūn, duduñkt* и глагол "междометийного" происхождения *duduñkteleiti* 'грохнуть' (LKŽ II, 791-793), лтш. *dudināt, dudinēt* (ср. *dudinis* 'тот, кто неясно говорит'). ME I, 510; ME Erg.-h. 339. При всей размытости этих свидетельств как целого два типа восстанавливаются с известной надежностью — балто-слав. **dud-in-ēti* и **dud-in-ati*.

Разумеется, что общая картина достаточна пестра и в целом ряде случаев многозначна. Иного и трудно ожидать, когда речь идет об экспрессивно отмеченных словах, вступающих во взаимодействие друг с другом, во-первых, и, во-вторых, в процесс межъязыкового обмена, в результате которого славянские языки заимствуют ряд балтийских слов, балтийские языки — ряд славянских с корнем *dūd-* и, наконец, в славянских языках отчасти сохраняются архаизмы "балтийской" эпохи (**dūd-*). Но сквозь все это многообразие и все неясности отчетливо просвечивает балто-славянский остов, состоящий из глаголов с исходным элементом **dud* : **du-n-d* и с различными расширениями (*-l-, -r-, -n-, -t-*) и первообразного существительного **dauda* 'дуда', 'дудочка', 'духовой музыкальный инструмент', ср. лит.

daudytė (daudytėmis padūduosi. LKŽ II, 310), лтш. *daudaliņa*, веселое дитя — из тех, кого ласково называют "дудочка" (ME I, 443), праслав. **duda* (ср. русск. *дудобля*, то же о ребенке, *дудала* [кстати, *дудой* называют и человека, играющего на дуде] и т. п.). См. Słown. prasłow. 5, 71-73; ЭССЯ 5, 146; LEW 84; Karulis I, 203, 235; Буга РФВ 67, 237; 70, 105; BSW 46-47 и др.

3. Слав. *дылда* / *dylda* и балт. *dilda*.

Что это славянское слово является заимствованием из балтийских языков, хорошо известно (ср. Лаучюте 1982, 107-108). И если здесь приходится обращаться к этому вопросу еще раз, то это вызвано необходимостью поставить некоторые дополнительные акценты на происхождении этих слов.

Уместно напомнить, что славянские примеры, относящиеся к этой лексеме, обнаруживаются в трех языках — белорусском, польском и русском и, как правило, тяготеют к балтийскому или околбалтийскому локусу. Ср. блр. *дылда* 'высокий, неповоротливый, неуклюжий человек' (вильн., гродн., ковенск., минск.), 'худой, высокий человек' (витебск., кобр.), 'высокий, сутуловатый человек' (слоним.); *дыльда* 'высокое худое существо' (житкович.); польск. *dylda* (диал.) 'очень неуклюжий, неповоротливый человек'; русск. *дылда* 'глупый, простоватый человек высокого роста', 'длинноногий, долговязый верзила', 'оглобля', 'жердая', 'молодая девушка не особенно благонаправленного поведения', *дылды* 'длинные ноги', *дыдла* 'нескладный человек высокого роста', *дыдло* 'то же' (СРНГ 8, 290, 291), ср. *дылдить* 'слоняться'. Относительно распространения русских примеров нужно подчеркнуть, что наряду с примерами, отмеченными в местах, где контакты с балтами в настоящее время или в историческом прошлом имеют или имели место (псковск., новгородск., курск.), известны примеры и из других регионов Европейской части России, Урала, Зауралья, Сибири, где они, очевидно, могли появиться существенно позже. Таким образом, данные ареального характера позволяют говорить не только о связи этих славянских примеров — во всяком случае перво-

начальной — с балтийским ареалом и балтийскими языками, но и с большой вероятностью об их балтийском происхождении. В этом отношении предлагаемые объяснения этого слова как исконно славянского (Преображенский I, 205; Фасмер I, 558; Откупщиков 1967, 120 и др.) нужно признать ошибочными.

К сожалению, объяснение собственно балтийских данных оставляет желать лучшего. Речь идет о лит. *dilda* 'неповоротливый, неуклюжий, мешковатый человек' (ср. *Pasamdžiau tarnaitę, bet, rodos, dilda*; *Ką tokiam dilda i padarysi!* LKŽ II, 546; лтш. *dilda* 'неуклюжий, мешкающий человек' ME I, 467). Эти слова произведены от первообразного глагола — лит. *dilti* 'истачиваться', 'истираться', 'стираться'; 'мешкать', 'медлить', 'терять время'; 'уменьшаться'; 'слабеть' и т. п. (LKŽ II, 554-556, ср. также *dilinti, dilinėti, dyluoti* 'с трудом резать тупым инструментом'; 'мешкать', 'медлить', 'упускать время' и т. п.; лтш. *dilt* 'изнашиваться', 'истощаться'; 'притупляться' (ME I, 467), *dilināt, diluot* и др. — с помощью суффикса *-d(a)-*, который, в частности, служит и для обозначения результата применения соответствующего действия (см. Skardžius 1943, 99-101; Otrębski 1964, 268-269; Endzelīns 1951, 390-391 и др.) — как в вещной сфере (ср. лит. *iñdas, āpdas, iżdas, priėdas* и т. п.), так и в связи с характерными особенностями человека, как бы тоже изготовленного как изделие природой (ср. о Собакевиче в *Мертвых душах*: «Известно, что есть много на свете таких лиц, над отделкою которых натура недолго мудрила, не употребляла никаких мелких инструментов, как-то: напильников, буравчиков и прочего, но просто рубила со своего плеча:хватила топором раз — вышел нос,хватила в другой — вышли губы, большим сверлом ковырнула глаза и, неоскобливши, пустила в свет, сказавши: "Живет!" Такой же самый крепкий и надиво стащенный образ был у Собакевича»).

Следовательно, правдоподобно предположение, что семантика обозначения неуклюжего, неповоротливого человека как "обработанного" с помощью некоей технологии, мотивируется именно самой этой технологией, достаточно примитивной, "приблизительно-черновой", грубой, и напоминает аналогичную семантическую мотивировку лит. *baldas, baldai* 'мебель' (соотв.

русс. *балда́*): *bělsti* (: *beld-*) 'стучать', 'ударять', ср. *balda* 'стук', 'шум'. Связь с идеей долговязости, длинноногости в славянских заимствованиях вторична (возможно, через притяжение *дылда* — *длина*) и может осмысляться в том плане, что долговязость — особый род неуклюжести, неповоротливости. Во всяком случае характерно, что в балтийских словах, источнике заимствования в славянских языках, такая идея отсутствует.

Уместно обозначить не только словопроизводство лит., лтш. *dilda* от лит. *dilti*, лтш. *dilt*, но и более широкий контекст в двух его вариантах — чисто корневом и с расширением *-d-*. Первый представлен всеми апофоническими вариантами: помимо нулевой ступени гласного в корне (*dil-*) существуют оба варианта полной ступени вокализма с *-e-* и *-a-* (<*-o-*>), ср. лит. *dēlti* 'истачивать', 'истирать' (*Bernas dēlė, dēlė akmenėli*. LKŽ II, 397), *deltis, delčià* 'последовательная фаза месяца', 'старый месяц': *dēlsti* 'мешкать', 'медлить', 'терять' время; 'исчезать' (: *dėlsia, dėlsė*) и т. п., лтш. **delt* 'истощаться' (ME Erg.-h. 315), *dēlst* 'говорить', 'рассказывать', *delsēt*, ср. также *dēlzt* 'тараторить' (ME I, 454), с одной стороны, и лит. *daldakūoti* 'громко и быстро говорить', 'бормотать', 'бурчать', *daldokas* 'тот, кто так говорит' (LKŽ II, 239), лтш. *dāldāt* 'бесцельно ходить кругом' (ME Erg.-h. 304), с другой. Любопытно, что и в русских говорах отмечены как заимствования или более или менее окказиональные образования типа *далдыкать*, *далдыкнуть* 'стучать', 'долбить', 'ударять клювом'; 'несильно толкать'; 'повторять одно и то же', 'талдычить' (<**дал-дык-/ч-*?>); *долдыкать* 'долбить', 'клевать' (СРНГ 7, 267; 8, 109-110); ср. еще *далдѳн*, *далдѳнить*; *долдѳн*, *долдѳня*, *долдѳнка*, *долдѳнить* 'пустословить', 'говорить быстро и невнятно', 'болтать', 'пустословить' (там же).

Второй (отчасти уже затронутый) контекст имеет в своем центре формы типа *deld-* : *dald-* : *dild-*, в состав которых входят и лит. *dilda*, лтш. *dilda*. Из слов с нулевым вокализмом корня кроме этих последних нужно упомянуть такие, как: лит. *dildė* 'рашпиль', т. е. инструмент для заточки железа', *dildėklis*, 'то же', ср. *dildėti* 'дрожать', 'трепетать', 'колебаться', *dildinėti, dildinti, dildyti, dildymas (dildymas)* и др. (LKŽ II, 546); лтш. *dildināt*

1 'что-нибудь постоянно вертеть в руках', *dildinât* 2 'затуплять', 'портить', 'изнашивать' (ME I, 467; ME Erg.-h. 320). Из примеров полного корневого вокализма (ступень *-e-*) ср. лтш. *dëldët* 'изнашивать', 'стачивать' и т. п., *dëldinât* (ME I, 453; ME Erg.-h. 314). Примеры вокализма *-o-* были уже приведены выше (лит. *daldakúoti*, лтш. *daldât* и др.).

Из обзора круга значений приведенных выше слов можно с большой степенью вероятности сделать предположение, что семантическим центром в данном случае является такая обработка материала (скорее всего дерева и камня), которая отсылает скорее всего к идее снятия - удаления верхних слоев обрабатываемого предмета, к стачиванию (в отдельных случаях — к отбиванию [камень] или даже срезанию [дерево]), в результате чего получается некий полуфабрикат, заготовка, грубая достаточно неуклюжая болванка. Эта идея грубости, неуклюжести, шероховатости, если угодно, далеко не полного преодоления сопротивления материала как раз и стала той основой, которая позволила обозначать человека соответствующего типа, неясной тараторящей или бормочущей речи, видимо, неуклюжего способа движения. Человека, называемого дылдой, равным образом могут называть и называют бревном, поленом, чурбаном, чуркой, истуканом, болваном и другими наименованиями, отсылающими к идее первичной, предварительной, приблизительной обработки.

Все эти наблюдения небезразличны в связи с историей корня и.-евр. **del-* : **dol-* : **d₃l-* (см. Рокотну I, 193-196), с одной стороны, и в связи с историей технологии обработки природных материалов, в частности, в том ракурсе, который представлен в работах Трира (Trier 1947-1949; Trier 1951; Trier 1952 и др.) и его последователей. Исследования последнего круга помогли существенным образом сформулировать и доказать связь старой терминологии гончарного производства с терминологией плетения (Трубачев 1966, 241-245), а также и значительно (хотя, конечно, и не до конца) упорядочить семантическую картину, в которой участвуют слова с корнем **del-* : **dol-* и которая в словаре Покорного представлена во многих своих фрагментах (да и в целом) неубедительно. Следует внести уточнение и в понимание пары **del-* I 'плести',

'связывать' и **del-* II 'раскалывать', 'вырезать' с точки зрения семантики. Значение 'раскалывать', принимаемое и Покорным и Трубачевым для **del-* II, определяется слишком "грубо". Собственно говоря, оно могло бы быть поддержано только др.-инд. *dāláyati* 'раскалывать', которое, однако является каузативом от *dálati* 'лопается', 'трескается'. Именно это значение и оказывается ближе всего к предполагаемому исходному — 'стесывать', 'стачивать', 'срезать' и т. п. или — в более общем виде, который наиболее соответствует сути данной технологии — 'снимать верхний слой' для осуществления исходной цели, связанной с такой обработкой материала, при которой происходит "первичное", так сказать, "аналитическое" освоение "природного" культурой путем удаления-устранения лишнего на пути к ядру, которое, однако, достигается не полностью, но, скорее, приоткрывается мастеру. При таком понимании семантики **del-* I оказывается, что оно отчасти антонимично по отношению к **del-* II, соотносимому с идеей "синтетического" характера — связи, соединения наиболее надежным образом разного и розного, что и воплощается в плетении. В этом контексте **del-* I и **del-* II являются контекстуальными ("позиционными") вариантами некогда единого корня и.-евр. **del-* (I & II или, точнее, I x II) с единым "аналитико-синтетическим", "разъединяюще-соединяющим" значением, определяющим возможность двух противоположных операций с неким единым материалом. При этом каждая из этих двух операций определяет стратегию культуры в освоении ею природы, и каждое соединение в одной совокупности явлений есть разъединение в другой (и через это соотношение "одного" и "другого" в известной степени является одна из основных задач культуры — проблема тождества и различия) и наоборот. В этом контексте предшественник **del-* I и **del-* II корень **del-* (I x II) обладал единым значением, которое реализовалось в соответствующих контекстах (ср. идти как 1. 'уйти' и 2. 'прийти').

В заключение любопытно напомнить о двух деталях — об удвоенной праформе др.-греч. *δαίδαλος* 'искусно обработанный' (из **dalδal-* [сюда же относится имя искусного архитектора и скульптора, изобретателя столярных инструментов и мастерства Дедала — *Δαίδαλος*; об этих его качествах ср. L. Lacroix,

Atti del 7mo Congresso Internazionale di Archeologia, 1, 251-257, ср. также в описании щита Ахилла: 'Εν δὲ χορὸν ποίκιλλε περικλυτὸς Ἀμφιγυήεις, | ἰῶ ἱκελον, οἴβον ποτ' ἐνὶ Κνωσῶ εὐρείη | Δαίδαλος ἥσκησεν καλλιπλοκάμῳ Ἀριάδνῃ (II. XVIII, 590-592). К этимологии — Chantraine, 246; ср. также микен. *da-da-re-jo-de*. Chadwick - Baumbach, 181; Предм.-понят. слов., 141, 145; к удвоению *Δαίδαλος* ср., может быть, др.-инд. *dar-dar(i) ti* 'раскалывать', 'расщеплять') и о том, что и.-евр. **del-* присутствует и в соответствующих славянских словах, восходящих к праслав. **dely*, **dьly*, ср. русск.-ц.-сл. *делва*, *дельвь* 'бочка' (ср. лат. *dolium*), *дълы*, *дълы* 'бочка', ср.-болг. *дъли*, болг. *делва* (ср. ЭССЯ 5, 210; *Slown. prasłow.* 5, 214-215), ср. *бóчка* как эвентуальное обозначение толстого, неуклюжего, неповоротливого человека. Однако "чужое" слово *дълда* оказалось в подобной ономастической ситуации более подходящим, став как бы вдвойне "своим".

4. О балтийском источнике русск. *гимзеть* и под.

В русских диалектах отмечено довольно большое количество примеров употребления слова *гимзеть*, *гимзять* 'шевелиться', 'копошиться', 'беспорядочно двигаться', 'кишеть' и т. п. Характерен пример из духовного Стиха о грешной душе, записанного в Верхнем Покамье 20-30 лет назад Археографической экспедицией МГУ. Диагностична сама ситуация, в которой появляется этот глагол, и сам контекст: Как на вольном свету душа царствовала, | ... | Уж топеря душа переставилася, | Повели душу да за три горы, | За три горы, за Сиянские. | Уж за первой-то горой тут смола кипит, | Тут смола кипит да все кипучая. | Уж ты хошь ли, душа, во смоле сидеть? | Душа плачется, отбивается. | Повели душу за втору горю. | За второю горой тут черви гимзят, | Тут черви гимзят ядовитые. | Уж не хошь ли, душа во червях сидеть? | ... (Голуб. кн. 1991, 228). Субъектом "гимзения", как правило, являются черви и насекомые, мелкие ягоды, иногда дети. Ср. несколько характерных контекстов: Мухи так и гимзят; — Мураши гимзят; — Черви в кислом молоке так и гимзят; —

Гимзят муравьи, черви; — Что тараканов гимзит, страсть!; — Вшей у Ваньки в голове так и гимзит; — В воде шаварёшек — ну прямо гимзит и т. п. (нередко безличное употребление — *гимзит* или *гимзá гимзйт*, или же *гим гимзйт* 'кишмя кишит', ср. *гиметь* 'жужжать', *гймить*, *гимить* 'жужжать'; 'шуметь', 'производить шум при движении, копошении'). Кроме указанных выше глаголов ср. еще *гимзá* в выражении *гимзá гимзйт* (например, *гимза гимзит клопов*), *гймзя*, *гимзjá* 'много', 'очень много', *гймзя гймзей* 'то же'. Отмечен также и глагол *гимизить* в том же значении, что и *гимзять*. Очень характерно распространение этих слов, отмечающееся достаточной компактностью (Вятская, Пермская, Тобольская губернии, Средний Урал), см. СРНГ 6, 172-173.

Другие примеры зафиксированы совсем в другом месте — укр. *гимзіти* на Западной Украине (Етим. укр. 1, 507), польск. *g'imżęc* 'быть иметься в большом количестве', "иногда в сочетании с характерными звуками" (о плодах, реках и др.) в Сувалкии, в Сейнском повете (Zdancewicz 1960), ср. *gimżawa* 'большое количество чего-либо', в сочетании со звуковыми эффектами, в Белостокском районе (Kudzinowski 1964), ср. *gimżec* 'кишеть' (Warsz. I, 829). Лаучюте 1982, 77 считает эти польские слова заимствованием из лит. *gimžėti*, но не упоминает русских и украинских примеров, видимо, оставшихся ей неизвестными (предположение о знании их, но ином объяснении их происхождения маловероятно).

Буга РФВ LXX, 1913, 251 (= RR I, 1958, 442) выводил *гимзять* из праслав. *gym-ъz-iti*; указание на связь этого глагола с лит. *gūmūoti* 'идти, переваливаясь с ноги на ногу' едва ли может считаться из-за своей сугубой приблизительности удовлетворительной этимологией (тем не менее она повторена Етим. укр. 1, 501, правда со "скобочным" указанием на лтш. *gimžāt*). ЭССЯ 7, 194-195 выводит русск. *гимзять* из праслав. **gьmъziti (se)* и, следовательно, считает это слово исконно славянским, входящим в семью болг. *гъмжі* 'кишит', 'изобилует', макед. диал. *гомжи*, с.-хорв. *гамзити* 'ползать', диал. *гъмозити*, *гмазити*, словен. *gomáziti* 'копошиться', 'кишеть', *gmáziti*; чеш. *hemziti* 'зудеть', 'чесаться', *hemziti se* 'кишеть', диал. *hymžič še*, словц. *hemžit' sa*, *honzit'*, диал. *hamz'ic s'e*, *homžit' sa*, польск. *giemzić*

'беспокоить'; 'щекотать'; 'кишеть'; др.-русс.-ц.-слав. *гомъзити* 'двигаться', 'шевелиться', 'ползти', русск. диал. *гамзѣть* 'копоть', *гѣмзѣть* 'беспокоить', 'торопить', *гамзѣть* 'плохо, неряшливо делать', *гомозѣть* 'суетиться', 'щекотать'; 'вертеться', 'ерзать', укр. *гомзити* 'ползать', 'кишеть'; 'зудеть', 'чесаться'; 'быть непоседливым', блр. *гомзіць* 'тискать коленями или бить кулаками', 'убирать', 'есть', диал. *гамзіць* 'делать неаккуратно' и т. п. — В таком составе эта группа слишком пестра и разнородна, чтобы даже учитывая экспрессивный характер слов, считать ее происходящей из единого источника, и особенно сомнительно присутствие в этом конгломерате русск. *гимзѣть*. Разумеется, однако, что существенно наличие в праславянском словаре исконно своих лексем помимо **гѣмъзѣти* (сѣ), **гѣмъзѣти* (сѣ), **гѣмъзѣти* с близким кругом значений и вариантами единого по происхождению глагола, ср. также **гѣмъзъ*, **гѣмъзъ* / **гѣмъзѣ*, о некоем множестве мелких составляющих (ЭССЯ 7, 193-195). Но особенно огорчительно, что в статьях, посвященных этим словам отсутствуют балтийские параллели — такие, как-то: лит. *gumžuotis*, *gumžis*, лтш. *gumžât*, *gumzinât*, *gumzît*, *gumžât*; *gumza*, *gumžains*, *gumzis*, *gumžigs*, *gumzums*, *gumzurains*, *gumzuris* и др. (ME I, 681-682; ME Erg.-h. 419-420), составляющие круг ближайших и фонетически, и семантически — параллелей перечисленным славянским словам.

На фоне этих балто-славянских параллелей особенно резко выбивается из цепи генетически связанных соответствий русск. *гимзѣть*, *гимзѣть* и указанные выше украинские (собств. — западноукраинские) и польские формы. Последние, несомненно, являются заимствованиями из литовского, о чем см. Лаучюте 1982, 77. Но и русские, и украинские слова столь же несомненно должны объясняться именно так. Их источник — лит. *gimžėti* 'кишеть', 'копошиться'; 'шевелиться', 'двигаться' (ср.: *Miestuose gimžėję pilna žmonių*. LKŽ III, 316). Разумеется, можно допускать существование в праславянском словаре глагольной лексики типа **гѣмъзѣти* [**гѣмъзѣти*], откуда возникло бы др.-русс. **гимзѣти* > *гимзѣть* (в таком случае источником праславянской лексики было бы и.-евр. **gūtu-g'-/g'h-*, форма, которая не может быть подтверждена какими-либо конкретными

примерами и остающаяся чисто теоретической). Зато лит. *gimžėti*, очевидно, представляющее собой экспрессивное развитие лит. *gimti* 'рождаться', 'родиться' (часто именно с идеей множественности, ср. *giminė* 'родня', 'родственник', 'род', *giminystė* 'родство' и т. п., ср. *gimdà* 'матка'), поддержанное словами с тем же корнем в лтш. *dzimt* (ср. *gimene* 'род', 'семья'), прусск. *gimton* и т. п., хорошо объясняет происхождение *gimžėti*. И не менее существенное свидетельство балтийского происхождения русск. *гимзѣть* и т. п. — отсутствие сколько-нибудь убедительных следов и.-евр. **g^uet-* с идеей прихода-появления, рождения.

5. Русск. *грѣмза*, *грѣмза* в балтийском контексте.

Эти русские слова носят отчетливо экспрессивный характер, причем эта экспрессивность подчеркивает неказистость, несимпатичность, даже отрицательность тех, кого этими словами называют. Вместе с тем семантический круг, реализуемый ими, достаточно неопределенен в своих границах. Иногда складывается впечатление, что говорящие нередко каждый по-своему актуализируют это достаточно аморфное семантическое "облако", так или иначе покрывающее смысл этих слов. Поэтому в устной речи они иногда употребляются эвентуально, *ad hoc*, весьма приблизительно, по своему индивидуальному разумению. Не случайно, что слово *грѣмза* часто становится объектом более или менее произвольных этимологизаций или хотя бы соответствующих "осмысляющих" приражений — к *грызть*, *грузный*, *грязнуть*, *грѣмать* (см. Фасмер I, 466: *грѣмза* — к *грѣмать* 'сердито говорить', 'браниться', ср. укр. *грѣмати* 'гремять', 'стучать', русск.-ц.-слав. *грѣмати* 'звучать' : 'гремять') и т. п. *Словарь русских народных говоров* по поводу этого слова сообщает, естественно, лишь диалектные данные, хотя и в речи горожан оно встречается нередко и употребляется достаточно произвольно: "экспрессивное" в нем важнее "рационального", образное важнее понятийного.

Указанный словарь приводит следующий материал, относящийся к этому слову: 1. *Грѣмза* 'ноющая грѣмза' (Что ты

ноешь, как грѣмза); — 2. Грѣмза — 1) О том, кто постоянно жалуется (Только и знает, что нить с утра до полега — вот грѣмза). — 2) Бранное название старого человека, старика (У, ты, старая грѣмза); — 3. Грѣмза — 1) О ком либо большом, но неуклюжем, нескладном (Девка их вот грѣмза, к ней и подойти боязно. Лошадь привели такую грѣмзу здоровенную). — 2) О ком-либо большом, но очень худом и тощем (Куда эту грѣмзу [о лошади] ведешь, сейчас завалится; Эта баба настоящая грѣмза), ср. также грѣмзить 'хныкать', 'ворчать', 'надоедать' (Надоела, перестань грѣмзить; Грѣмзишь и грѣмзишь, поди и совесть надо знать). СРНГ 7, 180; — грѣмза 'старый человек с морщинистым злым лицом' (СРНГ 7, 146). — В этих словах, вероятно, следует видеть "балтизмы" в одном из двух смыслов, актуализируемых в этой работе: или заимствование из балтийских языков, или сохранение архаизма балтийского типа в условиях славянизации соответствующих территорий, этносов и языка.

С балтийской стороны наиболее показательны примеры типа лтш. *grīmža* 'брюзга', 'угрюмый человек'; упрямец', 'капризный человек'; 'кто постоянно пристаёт, придирается'; ср.: *vęsmāte ir liela grīmža nu cilvēka*; — *grimza* 'зачерствевший край хлебного ломтя'; *grimzdēties* 'трещать', 'скрипеть' и т. п. (ME I, 655-656; ME Erg.-h. 406); ср. также *grēmža*, *grēmža* 'грызун'; 'угрюмый, недовольный человек' (*tas jau tāds grēmža, tam jau neviens nevar iztapt*); 'завистливый, раздражительный человек'; 'тот, кто медленно ест'; 'нить, пряжа с грубыми узлами', 'тот, кто прядет такую грубую пряжу': *grēmžāt, grēmžīt* 'медленно жевать', 'есть'; 'быть угрюмым'; 'ворчать', 'брюзжать' (ср. *grēmžīgs, grēmžus* с идеей ворчания, раздражения, сердитости), но и *grēmzt, grēmzt* 'грызть', 'глодать'; 'ворчать', 'брюзжать' и т. п. (ME I, 649-650); *grēmzis* 'тот, кто злится, гневается, сердится', *grēmzele* 'худощавый, истощенный человек', *grēmzt, grēmzdēt* 'быть назойливым' и т. п. (ME Erg.-h. 403-404). Из литовских примеров ср.: *grīmža* 'негодник'; 'скряга', 'скупец' (ср. *grimžys, grēmžys*, род рыбы). Лит. *grīmžti* наряду с наиболее частым значением 'погружаться', 'тонуть', 'опускаться на дно' имеет и другие — 'увязать', 'оседать'; 'гибнуть', 'пропадать', но и особенно — 'слабеть', 'хиреть', 'сжеживаться', 'оскудевать', 'становиться

опустившимся', которые приближаются отчасти к значениям русского грѣмза: ср. также, вероятно, лит. *grēmžti* и др. (LKŽ III, 563-564, 605-606). — Разумеется, нельзя полностью исключать в качестве источника заимствования русск. грѣмза и формы типа лит. *grīmžti, grēmžti* 'грозить', 'угрожать'; 'сердиться', 'раздражать' и т. п. (LKŽ III, 668-669), но это предположение маловероятно; оно из числа резервных и скорее "фонových", но то, что внутри самих балтийских языков подобные близкие в звуковом и семантическом отношении слова находились в постоянном взаимодействии, кажется, не вызывает сомнений.

ЛИТЕРАТУРА

Быков 1994	В. Быков, <i>Русская феня</i> , Смоленск 1994.
Голуб. кн.	<i>Голубиная книга. Русские народные духовные стихи XI-XIX веков</i> , Москва 1991.
Гринченко	В.Д. Гринченко, <i>Словарь української мови</i> , т. 1-4, Київ 1907-1909.
Даль	<i>Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля</i> , под редакцией И.А. Бодуэна-де-Куртенэ, т. I-IV, Санкт-Петербург - Москва [б. г.].
Дамбе 1970	В.Ф. Дамбе, <i>Географические термины в топонимии Латвии, в Местные географические термины</i> , Москва 1970.
Елистратов 1994	В.С. Елистратов, <i>Словарь московского арго (материалы 1980-1994)</i> , Москва 1994.
Етим. укр.	<i>Етимологічний словник української мови</i> , т. 1 сл., Київ 1982-.

- Иванов, Топоров 1974 В.В. Иванов, В.Н. Топоров, *Исследования в области славянских древностей*, Москва 1974.
- ЛАВП 1962 В.Н. Топоров, О.Н. Трубачев, *Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья*, Москва 1962.
- Лаучюте 1982 Ю.А. Лаучюте, *Словарь балтизмов в славянских языках*, Ленинград 1982.
- Откупщиков 1967 Ю.В. Откупщиков, *Из истории индоевропейского словообразования*, Ленинград 1967.
- Предм.-понят. слов. *Предметно-понятийный словарь греческого языка. Крито-микенский период*, сост. В.П. Казанскене, Н.Н. Казанский, Ленинград 1986.
- Преображенский А. Преображенский, *Этимологический словарь русского языка*, Москва 1910-1914.
- Пр. яз. В.Н. Топоров, *Прусский язык. Словарь*, т. 1-5, Москва 1975-1990.
- РФВ "Русский Филологический Вестник", Варшава.
- Слов. Забайк. Л. Е. Элиасов, *Словарь русских говоров Забайкалья*, Москва 1980.
- Слов. ТЛБЖ *Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. Речевой и графический портрет советской тюрьмы*, Москва 1992.
- СРНГ *Словарь русских народных говоров*, вып. 1-, Москва - Ленинград 1965-.

- Топоров 1997 В.Н. Топоров, *Из балтийско-славянской лексикологии*, в *Festschrift R. Eckert* [в печати].
- Трубачев 1966 О.Н. Трубачев, *Ремесленная терминология в славянских языках (этимология и опыт групповой реконструкции)*, Москва 1966.
- Фасмер М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка*, т. I-IV, Москва 1964-1973.
- Черных П.Я. Черных, *Историко-этимологический словарь современного русского языка*, тт. I-II, Москва 1994.
- ЭСЯ *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*, под редакцией О.Н. Трубачева, вып. 1-, Москва 1974-.
- Этым. блр. *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы*, т. 1-, Мінск, 1978-.
- APON G. Gerullis, *Die altpreussischen Ortsnamen*, Berlin - Leipzig 1922.
- Balys 1937 J. Balys, *Perkūnas lietuvių liaudies tikėjimuose*, "Tautosakos darbai", Kaunas 1937.
- Berneker E. Berneker, *Slavisches etymologisches Wörterbuch*, Heidelberg 1908-1913.
- Bezljaj F. Bezljaj, *Etimološki slovar slovenskega jezika*, 1 knj.-, Ljubljana 1976-.
- BSW R. Trautmann, *Baltisch-slavisches Wörterbuch*, Göttingen 1923.

- Būga RR K. Būga, *Rinktiniai raštai*, t. 1-3 [4], Vilnius 1958-1962.
- Chantraine P. Chantraine, *Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots*, Paris 1983.
- Karulis K. Karulis, *Latviešu etimologijas vārdnīca divos sējumos*, I-II, Rīga 1992.
- Kudzinowski 1964 Cz. Kudzinowski, *Jaćwingowie w języku*, "Acta Baltico-Slavica", 1, Białystok 1964.
- Laurinkienė 1996 N. Laurinkienė, *Senovės lietuvių dievas Perkūnas kalboje, tautosakoje, istoriniuose šaltiniuose*, Vilnius 1996.
- LEW E. Fraenkel, *Litauisches etymologisches Wörterbuch*, Bd. 1-2, Heidelberg 1962.
- LHEŽ A. Vanagas, *Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas*, Vilnius 1981.
- Liet. kalb. atl. *Lietuvių kalbos atlasas*, I. Leksika -, Vilnius 1977-.
- LKŽ *Lietuvių kalbos žodynas*, t. I-, Vilnius 1977-.
- LUEV *Lietuvos TSR upių ir ežerų vardynas*, Vilnius 1963.
- LV *Latvijas PSR vietvārdi*, I d.-, Rīga 1956-.
- Machek V. Machek, *Etymologický slovník jazyka českého*, Praha 1971.
- ME K. Mühlensch, *Lettisch-deutsches Wörterbuch*, ergänzt und fortgesetzt von J. Endzelin, Bd. I-IV, Riga 1923-25.

- ME Erg.-h. J. Endzelin, E. Hausenberga, *Ergänzungen und Berichtigungen zu K. Mühlenschs lettisch-deutschem Wörterbuch*, Riga 1934-1947.
- Nalepa 1966 J. Nalepa, *Z badań nad jaćwieskimi relikdami onomastycznymi Poleksza*, in *Studia linguistica slavica baltica Canuto-Olavo Falk*, Lund 1966.
- Pokorny J. Pokorny, *Indogermanisches Wörterbuch*, Bd. I-II, Bern - München 1959.
- Śl. jęz. p. см. Warsz.
- Słown. prasłow. *Słownik prastowiański*, t. 1-., Wrocław - Warszawa - Kraków - Gdańsk 1974-.
- Trier 1947-1949 J. Trier, *Topf*, "Zeitschrift für deutsche Philologie", 70, 4, Stuttgart 1947-1949.
- Trier 1951 J. Trier, *Lehm. Etymologien zum Fachwerk*, Marburg 1951 (= "Münstersche Forschungen", 3).
- Trier 1952 J. Trier, *Holz. Etymologien aus dem Niederwahl*, Münster - Köln 1952 (= "Münstersche Forschungen", 6).
- Warsz. J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki, *Słownik języka polskiego*, t. I-VIII, Warszawa 1952.
- Zdancewicz 1960 T. Zdancewicz, *Litewskie elementy słownikowe w gwarach polskich okolic Sejny*, "Lingua Posnaniensis", VIII, Poznań 1960.
- Zdancewicz 1963 T. Zdancewicz, *Gwary powiatu Sejneńskiego na tle procesów osadniczych*, in *Materiały do dziejów ziemi sejneńskiej*, Białystok 1963.

Aus der baltoslawischen Lexikologie. II
Vladimir Toporov (Moskau)

Im zweiten Teil seiner der baltoslawischen Lexikologie gewidmeten Forschungsarbeit (der erste ist für die *Festschrift R. Eckert* geschrieben worden) analysiert der Autor folgende baltoslawische lexikalische Parallelen: 1. Baltoslaw. **bald-*; 2. Baltoslaw. **dud-* : **du-n-d*; 3. Slaw. *дылда* / *dylda* und balt. *dilda*; 4. baltische Quellen des russ. *гимзѣть*; 5. Russ. *грымза*, *грымза* im baltischen Kontext.

SOME COMMENTS ON THE BALTO-SLAVIC DATIVE-
INSTRUMENTAL

WILLIAM R. SCHMALSTIEG
University Park, Pennsylvania

In this paper I take the extreme localist position that all case forms have their origin in some locative meaning. Possible exceptions are furnished by the nominative or absolute and the genitive, although I think it can be plausibly argued that even the genitive case is of 'local' origin.

I propose then that in the Indo-European languages etymologically the dative, accusative, instrumental and locative formed a single case. While I appreciate the interesting analyses of Erhart (1993: 75, 80-82), I shall take a position almost diametrically opposite to his with regard to the origin of the Indo-European case system. I propose that originally there were fewer cases in Proto-Indo-European than in the attested Indo-European languages. It is clear that it is always easier to begin with a larger inventory and by positing a series of deletions and mergers to arrive at a smaller inventory. Contrariwise some may consider it more speculative to begin with a smaller inventory of items and to assume a later larger inventory which is the result of a series of phonological, morphological and semantic splits. To posit a smaller inventory would be consistent, however, with Occam's razor: *Entia non sunt multiplicanda praeter necessitatem*. On the other hand it may be difficult to determine exactly how these later splits and contaminations took place from the phonological, morphological and semantic points of view. The excellent finely nuanced semantic analyses of the Indo-European cases presented by Haudry (1968, 1970 and 1977), show, for example, that the dative expresses an ulterior process as opposed to an existing process expressed by the instrumental (1970: 63). Analyses such as Haudry's seem to me to be correct for the attested Indo-European languages, but it seems to me that case morphology implies an earlier homogeneity of form which contrasts with the later